

УДК 338.1, 334.021, 308, 316.324.8

JEL: A14, I15, I18, O19, Q58, Z13, Z18

DOI: 10.18184/2079-4665.2020.11.3.250-265

COVID-19 как вызов экономике, социуму, политике

Андрей Николаевич Курюкин¹

¹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: kuriukin@inbox.ru

Аннотация

Цель статьи: подробно рассмотреть вопрос влияния пандемии COVID-19 на современный мир применительно к трем измерениям – экономика, социум, политика, а также наметить наиболее проблемные точки генерации негативных эффектов и предложить направления восстановления мировой системы в рамках формирования новой пост-ковидной «нормальности».

Методология проведения работы включает принципы системного, теоретико-познавательного, институционального, инструментального и междисциплинарного подходов, опосредованные принятыми в обществоведении представлениями о соотношении и взаимодействии субъективного и объективного факторов в общественных процессах при относительной самостоятельности субъекта.

Результаты работы: Сегодня окружающий нас мир и человеческая цивилизация, вместе со впечатляющим процессом глобализации, вошли в стадию появления новых вызовов, которые ранее не были им предъявлены или не проявлялись столь мощно. Первым из таких вызовов нынешнего XXI века, несомненно, стала пандемия COVID-19. Сегодня констатируется, что, по самым оптимистическим расчетам, падение мировой экономики может превысить кризис 2008–2009 годов. В отношении социальных практик и коммуникаций COVID-19 уже сегодня вынуждает проектировать новую «нормальность», которая станет реальностью пост-ковидной эпохи. В области политики констатируется, что в авторитарных и тяготеющих к авторитаризму режимах была обеспечена более эффективная общественная реакция на ограничительные меры.

Выводы: На современном этапе рынок и подаваемые им сигналы по классам активов, моделям рецессии и восстановления должны стать объектом пристального наблюдения не только экономистов, но и социологов, политологов, политиков и общественных деятелей. Такая ситуация неотложно требует решительных политических мер, которые должны быть направлены не только на сдерживание пандемии и спасение жизней, но и на защиту наиболее уязвимых слоев нашего общества от экономического краха, поддержание экономического роста и финансовой стабильности в мире в целом.

Ключевые слова: COVID-19, экономика, экономическая политика, вызовы, негативные эффекты, кризис, политическая система, демократия, перспективы

Благодарность. Статья написана в рамках выполнения государственного задания по плановой теме «Россия и мир: взаимодействие внутренних и внешних факторов развития страны и их отражение в массовом сознании».

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Курюкин А. Н. COVID-19 как вызов экономике, социуму, политике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11. № 3. С. 250–265

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.3.250-265>

© Курюкин А. Н., 2020

COVID-19 as a Challenge to the Economics, Society and Politics

Andrey N. Kuriukin¹

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
24/35, Krzhizhanovskogo st., 24/35, korpus 5, 117218, Moscow

E-mail: kuriukin@inbox.ru

Abstract

Purpose: to consider in detail the impact of the COVID-19 pandemic on the modern world, in relation to three dimensions – the economy, society, Politics, to outline the most problematic points of negative effects generation, to propose directions for the restoration of the world system within the framework of the formation of a new post-COVID-19 “normality”.

Methods: includes the principles of systemic, theoretical-cognitive, institutional, instrumental and interdisciplinary approaches, mediated by the accepted in social science ideas about the relationship and interaction of subjective and objective factors in social processes with relative independence of the subject.

Results: today, the world around us and human civilization, together with the impressive process of globalization, has entered the stage of the emergence of new challenges that were not previously presented to it or were not manifested so powerfully. The first of these challenges of the current 21st century is undoubtedly the COVID-19 pandemic. Today it is stated that, according to the most optimistic estimates, the fall of the world economy may exceed the crisis of 2008–2009. In terms of social practices and communications, COVID-19 is already forcing us to design a new “normality” that will become a reality in the post-COVID-19 era. In the field of politics, it is stated that in authoritarian and authoritarian regimes, a more effective public response to restrictive measures was ensured.

Conclusions and Relevance: at the present stage, the market and the signals it gives, by asset class, recession and recovery patterns, should be closely monitored not only by economists, but also by sociologists, political scientists, politicians and public figures. Urgent and decisive political action is needed not only to contain the pandemic and save lives, but also to protect the most vulnerable in our society from economic collapse and to maintain economic growth and financial stability.

Keywords: COVID-19, economics, economic policy, challenges, negative effects, crisis, political system, democracy, perspectives

Acknowledgments. Article is written within performance of the state task on a planned subject “Russia and world: interaction of internal and external factors of development of the country and their reflection in mass consciousness”.

Conflict of Interest. The Author declares that there is no Conflict of Interest.

For citation: Kuriukin A. N. COVID-19 as a Challenge to the Economics, Society and Politics. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2020; 11(3):250–265. (In Russ.)

<https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.3.250-265>

Введение

Сегодня мы сталкиваемся с глобальным кризисом в области здравоохранения, не похожим ни на один из кризисов за 100-летнюю историю. По данным ВОЗ, на август 2020 года, новый коронавирус, впервые появившийся в китайском городе Ухань в декабре 2019 года, заразил более 18 млн человек как минимум в 171 стране и территории по всему миру¹. COVID-19 убивает людей, несет страдания и настолько меняет жизнь общества, что происходящее становится гораздо большим, чем кризис общественного здоровья и национального здравоохранения, это – гуманитарный, экономический и социальный кризис. Масштабное распространение коронавируса, которое ВОЗ охарактеризовала как пандемию, атакует общества в самом их ядре. Мировая экономика может сократиться на 1% в 2020 году из-за пандемии коронавируса,

что является отклонением от предыдущего прогноза роста на 2,5%, заявила ООН, предупредив, что спад может быть и еще больше, если ограничения на экономическую деятельность будут продлены без адекватных фискальных мер. Пандемия вызовет резкое падение потоков инвестиций, усложнение положения ТНК, а местный бизнес и инвесторы уже серьезно пострадали, что влечет далеко идущие социальные и экономические последствия. Кризис коронавируса, в первую очередь, является угрозой общественному здоровью, но все в большей степени представляет собой серьезную экономическую угрозу. Так называемый «шок COVID-19» спровоцирует рецессию в широком спектре стран и замедление глобального годового роста до уровня ниже 2,5%, что часто считается порогом рецессии для мировой экономики [1, с. 3]. Продолжающаяся пандемия стала одной из

самых больших угроз для мировой экономики и финансовых рынков. Необходимы срочные и смелые политические меры не только для ее сдерживания и спасения жизней, но и для защиты наиболее уязвимых слоев нашего общества от экономического краха, поддержания экономического роста и финансовой стабильности.

Обзор литературы и исследований

Концептуальный анализ COVID-19 как цивилизационного вызова

Очевидно, что вопрос развития для всех стран и обществ современной цивилизации связан с ответом на вызовы и угрозы, которые окружающая ситуация предъявляет любому социуму без исключений. Теоретическую основу изучения этого вопроса сформулировал в своём фундаментальном труде «Постижение истории» Арнольд Тойнби. Именно он сформулировал концептуальную дихотомию «Вызов-Ответ» (англ. Challenge-Response), которая легла в основу современного понимания [2, с. 570]. А. Тойнби в качестве вызовов современной цивилизации предложил следующие:

- вызов сурового климата;
- вызов новых земель;
- вызов внезапных ударов от соседних обществ;
- вызов постоянного внешнего давления;
- вызов ущемления, когда общество, утратив нечто жизненно важное, направляет свою энергию на выработку свойств, возмещающих потерю.

Анализируя COVID-19, следует отметить, что он относится к категории цивилизационных вызовов. События такого уровня генерируются изменениями в окружающей среде, технологиях, экономике и обществе. Примером является промышленная революция, которая, по Карлу Поланьи, привела к «Великой трансформации» цивилизации из аграрного общества в индустриальное. В индустриальную эпоху произошли три больших преобразования. Ни одно из них не было таким революционным, как конец аграрного века, но, в то же время, они были достаточно сильны, чтобы породить войны, революции и массовые социальные потрясения. Каждое из этих событий породило интенсивное создание рабочих мест, как источников средств к существованию для большего числа людей. Первым таким вызовом стала потребность в сырье, породившая борьбу за него. Вторым – вызов необходимости наращивания производства готовой продукции. Сегодня мир переживает очередную раунд массовых изменений, как ответ на вызов глобальных возможностей знаний и информации [3].

Преобразования такого масштаба разрушают прошлое, так как выходят далеко за рамки стан-

дартного процесса изменений, который происходит из поколения в поколение. Большинство чувствует угрозы вызова и хочет противостоять им, и лишь немногие видят в вызовах необходимость для осознания новых возможностей. Анализ цивилизационных вызовов показывает возможность множества ответов на них. Варианты этих ответов находятся в «коридоре» от бездействия до активных действий и несут в себе риски неизвестности результатов. Бездействие, на начальном этапе, для большинства кажется более привлекательным, но, в итоге, может потребовать заплатить самую высокую цену. Успешный ответ должен быть достаточно смелым, чтобы преодолеть угрозу и показать путь к новой жизни. Выработка и реализация таких ответов требует сильного и целеустремленного руководства. Лидеры и истеблишмент, сами осознавая выработанный ответ, также должны сделать новое видение понятным и приемлемым для большинства граждан, представителей различных социально-экономических групп, слоёв и страт. Это условие имеет первостепенное значение в демократическом обществе. Если большинство не выскажет одобрение и поддержку нового пути, решение будет неприемлемым и, как следствие, нереализуемым.

Сущностью ответа на вызов выступает социальный процесс перехода от старых условий к новым, что является для цивилизации критически важным. Выработанные ответы имеют больше шансов на успех, если они позволяют внести изменения по ходу курса реализации. Крупные планы глобальных преобразований негибки и ведут к социальной конфронтации вместо того, чтобы объединять людей для достижения общих целей. Любые социально-экономические изменения тесно связаны с функционированием глобальной экономики, зависящей от быстрых потоков информации, технологий и капитала. Это дает современному обществу большие возможности для развития, но и порождает новые вызовы, реализуемые в глобальном плане и генерирующие непредвиденные последствия – экономические, социальные и экологические. Экономическая глобализация влечет за собой безработицу в регионе и новые формы эндемической бедности. Социальная глобализация – разрушение привычного уклада жизни и, как следствие, трансформацию сообществ – процесс, получивший название «Трагедия общин».

Экологическая глобализация вызывает самые серьезные угрозы. Гаррет Хардин в известном эссе, написанном в начале экологических дебатов, использовал эту фразу, чтобы предостеречь от фронтальной и бесконтрольной эксплуатации цивилизационной (общей) собственности – ресурсов пахотных земель и пастбищ, рыбы в океанах, воды в реках [4]. Донелла и Деннис Медоуз в статье

«Пределы роста» утверждают, что рост населения со временем превзойдет запасы невозобновляемых ресурсов, в частности, ископаемого топлива. Этот конкретный прогноз, следуя парадигме Мальтуса, был в то время преждевременным, чего не сказать о современности [5].

Новые технологии, открытия и повышение эффективности использования ресурсов помогли уменьшить ограничения, которые были свойственны для предыдущих этапов развития цивилизации. Реализуя неумолимый закон диалектики, снятие ресурсных ограничений и бурное развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских технологий привели к снижению контроля над их ростом и эволюцией. Последние 25-30 лет истории цивилизации дают нам примеры, когда не только государства, но уже и частные лица финансировали НИОКР или производство оружия массового поражения, средств его доставки, малозаметных средств передвижения (подводные лодки, лёгкая авиация и др.), боевых компьютерных программ и т.п. В последние годы сам успех человеческой науки и промышленности превратился в прямую угрозу функционированию не только природных систем – воды, воздуха и земли, которые делают возможной человеческую жизнь на нашей планете, но и для самой цивилизации – глобального сообщества людей. Именно таким вызовом и стал агрессивный вирус COVID-19.

Коронавирус мощно ворвался в заголовки новостей и содержание научных и общественно-политических дискуссий, существенно потеснив традиционные для современной цивилизации темы: бедность и равноправие, демократия, глобальное потепление, истощение озонового слоя, утрата биоразнообразия, опустынивание, перенаселение и ресурсоемкое потребление. Следует констатировать очевидность того, что в обозримой перспективе эти и другие новые появляющиеся проблемы и вызовы, которые станут тематикой дискуссий, будут рассматриваться в связке с COVID-19 [6, с. 8–12].

Все более мощные технологии и постоянно растущее число людей, ими овладевающих, способствуют тому, что человеческая деятельность может нанести серьезный, а возможно, необратимый ущерб природным силам и социальным условиям, от которых зависит сама жизнь. Такая постановка проблемы выработана ещё в Акте ООН об исследованиях глобальных изменений 1987 года, где предлагается следующее определение стоящей перед мировым сообществом задачи: «Необходимость исследования изменений в глобальной окружающей среде (включая изменения климата, продуктивности земель, океанов или других водных ресурсов, химии атмосферы и экологических

систем), которые могут изменить возможности планеты Земля для поддержания жизни» [7].

Материалы и методы. В качестве объекта для данного исследования выбран процесс и результат воздействия пандемии коронавируса (COVID-19) на мировую и отечественную экономику, социум и политику. Для его объективной характеристики автором были отобраны специальные данные, полученные из таких исследований и источников, как:

- данные Минфина и Минэкономразвития РФ;
- базы мониторинговых исследований подразделений ООН – Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, Комиссии Брундтланда (бывш. UN World Commission on Environment and Development), ВТО, Всемирной организации работодателей, Всемирной ассоциации торговых объединений;
- данные международных исследовательских центров – Центра системных наук и инжиниринга Университета Джона Хопкинса, Оксфордского университета, подразделений экономической разведки The Economist, Statista Inc.;
- результаты исследований ФНИСЦ РАН, ФОМ, ВЦИОМ, НИУ-ВШЭ, Левада-центра;
- данные отечественных исследовательских центров Центр макроэкономического анализа и прогнозирования, РБК, ОАО РЖД, IHS Markit PMI;
- данные Росстата.

Анализ основывался на применении комплексного подхода к изучению социальных явлений и процессов, подверженных изменениям, которые происходят в контексте внутренних и внешних факторов. Такая стратегия обоснована прежде всего тем, что современная социальная ситуация в России и мире характеризуется повышенной динамикой и усложнением общественной жизни, а это предъявляет повышенные требования к социологическому знанию по показателям комплексности и многоаспектности его характера. В первую очередь это относится к всестороннему анализу и объяснению состояния и тенденций развития как отдельных сфер жизнедеятельности общества, так и социальных изменений, происходящих в нем в целом. Данная проблема особенно актуальна в контексте изучения российского социума, не одно десятилетие переживающего противоречивые трансформационные процессы и по-прежнему решающего вопрос выбора вектора собственного развития.

Конкретно были использованы следующие методы: системно-структурный, метод сравнительного анализа, методы количественного и качественно-анализа, экономический, конкретно-социологический, логико-юридический, исторический и иные методы комплексного научного исследования. Это

обусловлено необходимостью решения следующих задач:

- 1) охарактеризовать COVID-19 как цивилизационный вызов;
- 2) исследовать влияние COVID-19 на мировую экономику и социум в условиях глобализации, отразив его воздействие в динамике – от исходных к производным показателям;
- 3) раскрыть воздействие пандемии COVID-19 на российскую экономику и социум, в контексте иных объективных условий их существования на современном этапе;
- 4) изложить параметры влияния пандемии COVID-19 на политическую систему и демократию.

Результаты исследования

Пандемия COVID-19 как экономическая проблема

Коронавирус COVID-19 является системным вызовом цивилизационного уровня, который затронет все стороны жизни современного мирового сообщества, и очевидно, что первой из них станет мировая экономика. Начальные выводы относительно его воздействия закономерны – вслед за коронавирусом следует ожидать экономический спад и рост безработицы. При этом экономические последствия пандемии в большинстве стран со слаборазвитой и развивающейся экономикой, вероятно, будут намного хуже, чем те, что мы видим в Китае, Европе или Соединенных Штатах.

Большинство стран Африки, Азии, Латинской Америки и, отчасти, страны бывшего СССР, обладающие слабыми системами здравоохранения, ограниченными возможностями для предоставления финансовых и иных стимулов развития, имеющие недостаточно развитую систему социальной защиты, находятся на пороге не только гуманитарного кризиса, но и самого серьезного финансового кризиса, по крайней мере, с 1930-х годов. Сейчас не время ожидать от них погашения своих долговых обязательств как перед частными, так и официальными кредиторами. Капитал вытесняется из большинства этих стран, и, возможно, надвигается волна новых суверенных дефолтов. При этом необходимо учитывать, что экстраординарные ситуации требуют экстраординарных мер [8].

Относительно коронавируса преодоление последствий в экономике лежат отнюдь не в макро- или микроэкономической, но в социальной плоскости. По мере распространения вируса умирает все больше и больше людей. На момент написания этой статьи всего заболевших в мире было 17,9 млн, при этом летальных исходов – 685 тыс., что составляет в среднем 3,8%². В таких условиях необходимо признать, что основная масса адаптационных процедур находится именно в социальной плоскости. Среди них – меры социального дистанцирования, ограничения трансграничной мобильности, введение дистанционных процедур в обучении и работе.

Пандемия COVID-19 ведет к высоким и растущим далее человеческим издержкам во всем мире, а необходимые меры защиты оказывают серьезное влияние на экономическую активность. По прогнозам, в результате пандемии мировая экономика резко сократится – на 3% в 2020 году, что намного хуже, чем во время финансового кризиса 2008–2009 годов. В базовом сценарии, который предполагает, что пандемия исчезнет во второй половине 2020 года, и усилия по сдерживанию могут быть постепенно свернуты, согласно прогнозам, мировая экономика вырастет на 5,8% в 2021 году, когда нормализуется экономическая активность, чему будет способствовать политическая поддержка³. Представим всемирную экономическую динамику на графике (рис. 1).

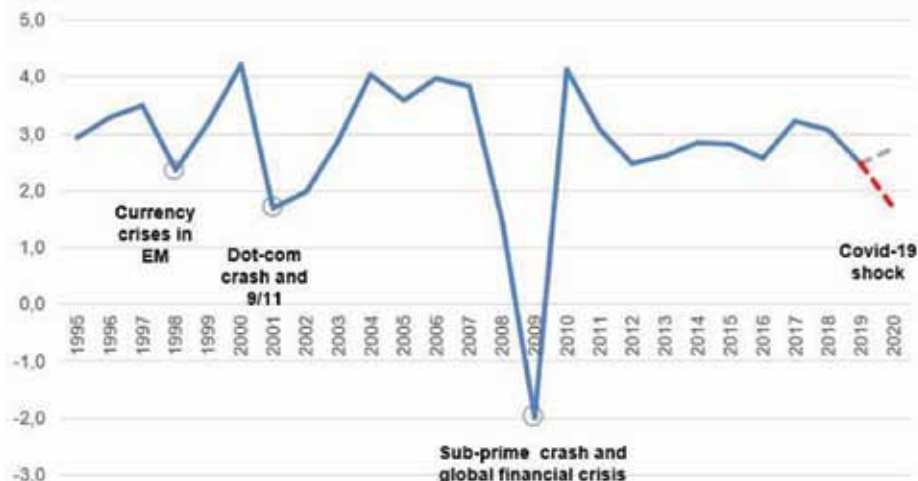
Практически сразу пандемия оказала своё негативное воздействие на целый ряд отраслей мировой экономики. Ещё в начале марта 2020 года Институт международных финансов заявил, что рост мировой экономики в условиях COVID-19 может составить всего 1%, и это было еще до того, как ОПЕК и Россия отказались от соглашений о добыче для поддержания стабильных цен на нефть, которые свободно упали, что привело к волнению фондовых рынков. Конференция ООН по торговле и развитию (UNCTAD) заявила, что вспышка вируса может стоить мировой экономике до 2 трлн долларов в 2020 году, и в некоторых странах пандемия может вызвать рецессию, что приведет к замедлению темпов роста мировой экономики ниже 2,5%⁴. В то же время, мы сталкиваемся с глобальным кризисом в области здравоохранения, не похожим ни на один из 100-летней истории, и это цивилизационный, экономический и социальный кризис.

² COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU). ArcGIS. Johns Hopkins University. Retrieved 2 August 2020. URL: <https://gisanddata.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6> (Дата доступа: 02.08.2020)

³ Joint Statement on COVID-19 by International Organization of Employers and International Trade Union Confederation. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---actrav/documents/genericdocument/wcms_739522.pdf (Дата доступа: 25.07.2020)

⁴ UN calls for \$2.5 trillion coronavirus crisis package for developing countries. UNCTAD, 30 March 2020. URL: <https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2315> (Дата доступа: 25.07.2020)

Источник: Расчеты ЮНКТАД на основе МВФ, ПРМЭ, октябрь 2019 г.
URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html>

Рис. 1. Тенденции развития мировой экономики в 1995–2020 гг.

Source: UNCTAD calculations based on IMF, WEO, October 2019.
URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html>

Fig. 1. Trends in the development of the world economy in 1995–2020

Обращаясь к вопросу влияния пандемии коронавируса на мировую экономику необходимо отметить, что, в первую очередь, оно выразилось не только в беспрецедентных ограничениях трансграничной мобильности людей, но и в ряде экономических мероприятий и объявлении чрезвычайных ситуаций в большинстве стран Европы и Северной Америки. К тому же, резко возросший спрос на неотложную медицинскую помощь и увеличение числа погибших оказывали и продолжают оказывать мощное давление на национальные системы здравоохранения. В то же время, пандемия разрушает глобальные цепочки поставок и международную торговлю. В марте-апреле 2020 года почти 100 стран закрыли национальные границы, движение людей и туристические потоки резко прекратились. Миллионы рабочих в этих странах сталкиваются с негативной перспективой потери работы из-за невыживания предприятий, на которых они были заняты⁵.

Невозможно точно предсказать, каким будет в конечном итоге экономический ущерб от глобальной новой пандемии коронавируса COVID-19. Очевидно лишь, что негативные последствия для мировой экономики будут весьма серьезными. Ранние

оценки показали, что, в случае превращения вируса в глобальную пандемию, большинство крупных экономик потеряет, по меньшей мере, 2,4% от стоимости своего валового внутреннего продукта (ВВП) в течение 2020 года. Это привело к тому, что экономисты уже снизили свои прогнозы глобального экономического роста на 2020 год – с примерно 3,0% до 2,4% [9].

Для сравнения, в 2019 году мировой ВВП оценивался в 86,6 трлн долларов США, что означает, что падение экономического роста всего на 0,4% составит почти 3,5 трлн долларов США потерянного экономического производства. Однако эти прогнозы были сделаны до того, как COVID-19 стал глобальной пандемией, то есть до введения широко распространенных ограничений на социальные контакты. С тех пор мировые фондовые рынки пережили резкое падение из-за вспышки коронавируса. В середине марта 2020 года Dow Jones сообщил о своем крупнейшем в истории падении на один день – почти на 3000 пунктов 16 марта, что побило предыдущий антирекорд в 2300 пунктов, который был установлен всего за четыре дня⁶. Проблема с текущими прогнозами заключается в том, что никто не знает, как долго вирус бу-

⁵ World Economic Situation and Prospects: April 2020 Briefing, UN, No. 136. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/world-economic-situation-and-prospects-april-2020-briefing-no-136/> (Дата доступа: 27.07.2020)

⁶ Duffin E. Impact of the coronavirus pandemic on the global economy – Statistics & Facts // Impact of the coronavirus pandemic on the global economy - Statistics & Facts. Shaulova E., Biagi L. (eds.). NY, Statista Inc. 2020. 495 p. (pp. 136–152)

дет оставаться мощным, как власти во всем мире смогут пресекать новые случаи, и какие ресурсы будут совокупно затрачены для лечения заболевших. В таких условиях крайне усложняется положение бизнеса, попадающего в полосу неопределенности, которая диктуется невозможностью объективного прогнозирования жизнеспособности, выносливости и долговечности нового вируса.

Начиная с первого появления угрозы COVID-19, экономисты подробно обсуждают вопрос, будет ли такой шок для мировой экономики «временным» или «постоянным». Анализ, проведенный Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам (UN DESA), показал, что правительства предвидят дальнейшее разрушение пандемией COVID-19 глобальных цепочек поставок и международной торговли, к этому добавляется ограничение трансграничной мобильности и туристических потоков. В этих условиях рассматриваются и внедряются большие пакеты стимулов для предотвращения резкого спада национальных экономик, которые, в конечном итоге, могут предотвратить или уменьшить глубокий спад мировой экономики. Также аналитики Департамента отмечают, что в случае негативного сценария минимальный спад мировой экономики в 2020 году может составить 1%, а скорее всего, приблизится к показателям мирового финансового кризиса в 2009 году, когда мировая экономика сократилась на 1,7%. Сокращение может быть еще сильнее, если правительства будут не в состоянии обеспечить поддержку доходов и помочь увеличить потребительские расходы. До появления COVID-19 мировое производство должно было возрасти умеренными темпами, на 2,5% в 2020 году, о чем сообщалось в «Мировом экономическом положении и перспективах 2020 года»⁷.

Пандемия COVID-19 спровоцировала беспрецедентное нарушение мировой экономики и мировой торговли, поскольку производство и потребление сокращаются по всему миру. В январском прогнозе МВФ, когда эпидемия уже бушевала в КНР, были изложены именно такие перспективы, хотя на тот момент снижение показателей, по сравнению с октябрьскими 2019 года, для ведущих стран с развивающейся экономикой было не столь заметным. Тем не менее, сочетание почти постоянного темпа роста в 6% в Китае, ослабления торговой напряженности и предполагаемого ускорения роста основных стран-экспортеров сырья (Россия, ОПЕК и т.д.), как ожидалось, должны были привести

к глобальному росту до 2,7% в 2020 году, несмотря на сохраняющийся слабый рост показателей развитых экономик. Теперь, когда шок COVID-19 изменил сценарии развития, все прогнозы на 2020 год и предварительные дальнейшие стабильно пересматриваются в сторону понижения [10].

С учетом того, что глобальный рост в процентах возрос до 900 млрд долларов потерянного дохода, большинство прогнозов свелось к сумме 1 трлн долларов глобального дохода в этом году, и, в том случае, если падение, как и в 2009 году, составит 1,7%, стоимость пандемии миру приблизится к 2 трлн долларов. Рост мировой торговли услугами продолжал снижаться в конце 2019 года и в первом квартале 2020 года, согласно Барометру торговли услугами ВТО, опубликованному 11 марта 2020 года. Последнее значение (96,8) было меньше зафиксированного в сентябре 2019 года (98,4), и существенно ниже базового значения 100% для индекса. В дальнейшем падение ещё более продолжилось – 19 августа был зафиксирован ещё более низкий показатель (в 84,5 пунктов), что является минимальным значением с момента начала барометрических измерений в 2016 году⁸.

Среди индексов по отраслям наибольшее снижение было отмечено в пассажирских авиаперевозках (до 93,5 пунктов) и контейнерных перевозках (94,3), рост которых, впрочем, уже замедлялся до вспышки COVID-19. Оба индекса охватывают события, произошедшие в течение января, и могут частично отражать ранние попытки остановить распространение болезни, которая усилилась к концу месяца. Падение индекса контейнерных перевозок было вызвано снижением объемов перевозок в Азии, в то время как замедление пассажирских авиаперевозок было более масштабным, поскольку охватывало также Северную Америку, Южную Америку и Европу. Индексы глобальных финансовых транзакций (97,7) и услуг ИКТ (97,0) также опустились ниже тренда, в то время как индекс строительства (99,8), по-видимому, остается стабильным. Глобальный индекс менеджеров по закупкам услуг (96,1) является наиболее перспективным компонентом барометра, отражающим ожидания того, что COVID-19, вероятно, продолжит оказывать влияние на торговлю услугами в ближайшем будущем [11].

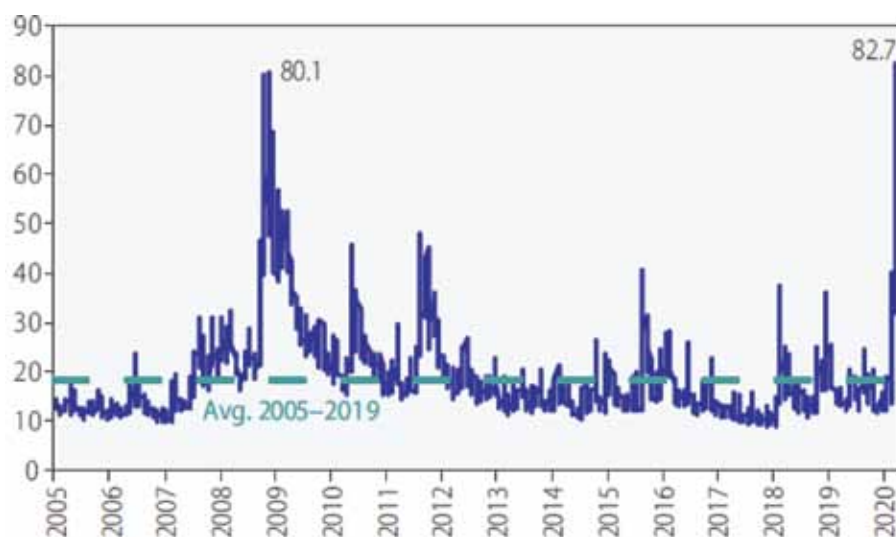
Опасения по поводу экспоненциального распространения вируса и растущей неопределенности в отношении эффективности различных мер сдерживания всколыхнули финансовые рынки во

⁷The World Economic Situation and Prospects 2020. NY, UN DESA. 2020. 236 p.

⁸WTO goods barometer flashes red as COVID-19 disrupts world trade. WTO URL: https://www.wto.org/english/news_e/news20_e/wtoi_19aug20_e.htm (Дата доступа: 20.08.2020)

всем мире. При этом волатильность рынка превысила свой пик во время глобального финансового

кризиса, а рынки акций и цены на нефть упали до многолетних минимумов⁹. Представим динамику на графике (рис. 2).

Источник: Cboe Exchange, Inc. 30 июня 2020. URL: <http://www.cboe.com/vix>

Рис. 2. График волатильности рынка по годам

Source: Cboe Exchange, Inc. June 30, 2020. URL: <http://www.cboe.com/vix>

Fig. 2. Market volatility chart by years

В то же время, не следует забывать и о тех процессах, которые выступили осложняющими факторами для роста и развития мировой экономики ещё до начала пандемии. Так, по данным Intelligence Unit of The Economist, перспективы роста на 2020 год были бы довольно мрачными и без COVID-19. В число негативных факторов включались торговая война США–ЕС, противоборство США–Китай и дрящущийся конфликт США–Иран, что представлялось самой большой угрозой для функционирования и развития мировой экономики. В условиях только этих глобальных процессов рост в 2020 году прогнозировался на уровне 2,9%, что близко к минимумам десятилетия. Более того, аналитики EIU высказывали ожидания, что экономический рост в развитых странах снизится в 2020 году из-за замедления роста в США. Появление нового коронавируса в Китае дополнительно ослабит рост по всему миру, но особенно негативно скажется на перспективах Азии. Такая ситуация, которая все сильнее будет выражаться в ухудшении положения огромных масс людей, приведет к дальнейшей эскалации социальных волнений, наблюдаемых по всему миру с 2019 года. Данная

тенденция, по-видимому, сохранится в 2020 году, и более того, явится вызовом не только образу жизни и практикам социального взаимодействия, но и политике, равно как и бизнес-моделям¹⁰.

Экономический эффект COVID-19 в России

Давая комплексную оценку воздействия пандемии коронавируса на российскую экономику, следует отметить, что она, закономерно, носит негативный характер. Так, в апреле 2020 года, по данным Минфина РФ, номинальный ВВП России, рассчитываемый в текущих ценах, показал снижение на 28% или 2,4 млрд рублей по сравнению с аналогичным месяцем 2019 года, и составил 6,3 трлн рублей против 8,7. Необходимо отметить, что это первая официальная оценка экономической динамики в апреле, после того как в стране на фоне пандемии коронавируса были объявлены нерабочие дни. При этом номинальный ВВП в апреле оказался примерно на 30–32% ниже, чем в марте, когда он составил около 9,1 трлн рублей, как следует из сопоставления с предыдущим подобным отчетом за март 2020 года. Всё это приводит нас

⁹ World Economic Situation and Prospects: April 2020 Briefing, UN, No. 136. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/world-economic-situation-and-prospects-april-2020-briefing-no-136/> (Дата доступа: 27.07.2020)

¹⁰ Responding to the economic and business impacts of COVID-19 Latest Insights. THE ECONOMIST INTELLIGENCE UNIT. URL: <https://www.eiu.com/n/novel-coronavirus-outbreak/> (Дата доступа: 30.07.2020)

к тому, что в 2020 году ВВП, скорее всего, будет существенно ниже, чем в 2019 году, когда он составил 110 трлн рублей¹¹.

Рассматривая другие экономические показатели за апрель 2020 года, необходимо отметить, что все они указывают на спад активности, однако не столь сильный, как показывают данные Минэкономразвития РФ по ВВП. Так, погрузка «Российских железных дорог» (РЖД) снизилась на 5,9% по сравнению с апрелем 2019 года. В то же время, экспортная погрузка возросла на 2–3%, смягчив падение на 10–12% в отношении объема внутренних перевозок [4]¹². В свою очередь, объем потребления электричества, с коррекцией на сезонный и температурный факторы, сократился на 2,9%. Это показывает, что снижение производственной активности можно приблизительно оценить в 13–17%, как сообщил в начале мая Центр макроэкономического анализа и прогнозирования (ЦМАКП). Такие данные выведены с учетом поправки на то, что энергопотребление россиян, вынужденно остающихся дома, ощутимо выросло¹³. Наконец, индекс PMI обрабатывающих отраслей, рассчитываемый компанией IHS Markit, упал с 47,5 в марте до 31,3 в апреле, указав на самое существенное ухудшение конъюнктуры в обрабатывающей промышленности с 1997 года¹⁴.

Однако источником экономического провала апреля 2020 года не следует считать исключительно COVID-19 и самоизоляцию. Не менее важным фактором такого положения стало падение цен на нефть, когда средняя цена российской нефти Urals в апреле 2020 года составила лишь 18,2 долларов за баррель, по сравнению с 71,5 долларов годом ранее¹⁵. В то же время, однозначно разделить эффект влияния низких цен на нефть на российский ВВП и эффект от ограничений коронавируса и режима самоизоляции в достаточной степени затруднительно, если вообще возможно. По мнению ряда экономистов (Евгения Слепцова (Oxford Economics), Виктора Тунева (УК «Агидель») и др.), низкие цены на нефть обеспечили около 10 пунктов в апрельском снижении ВВП, что составляет около трети его общего падения.

Однако основные негативные последствия от COVID-19, очевидно, воспринял на себя бизнес. Так, в конце марта, по расчетам IHS Markit, индекс деловой активности в сфере услуг России снизился до 37,1 пункта, с 52-х пунктов в середине первого квартала. При этом спрос на российские услуги упал самыми быстрыми темпами после финансового кризиса. Несомненно, апрель стал самым катастрофическим месяцем в российской экономике в современной истории. По данным консалтинговой компании Finexpertiza, неделя самоизоляции обошлась российскому бизнесу в 123,3 млрд рублей. Полный месяц временных закрытий обошелся частному сектору в 530 млрд рублей. Один месяц самоизоляции в апреле стоил России 1,5–2% годового ВВП. Потери бизнеса в виде нереализованных доходов оцениваются в 917 млрд рублей в неделю и 5,5 трлн рублей в месяц, что составляет 5% ВВП. Наряду с этим, текущие прогнозы Российского Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования указывают на отрицательные 20% ВВП за 1 квартал 2020 года и рост числа безработных до 15 млн человек [12].

Стремясь упредить или нивелировать эти и иные отрицательные последствия, Правительство России предложило следующие меры поддержки экономики:

- отсрочка платежей по бюджетным кредитам, а также компенсация потерь региональных бюджетов;
- отсрочка сбора налогов для предприятий наиболее пострадавших секторов экономики;
- мораторий на проведение деловых проверок, в том числе налоговых проверок, за исключением вопросов, которые создают риски для жизни и здоровья граждан;
- расширение программы льготного кредитования;
- увеличение размера субсидий для малых и средних предприятий;
- запуск службы для помощи работникам и работодателям в режиме онлайн-инспекции;
- облегчение условий кредитования для отраслей, затронутых коронавирусом;

¹¹ Снижение ВВП России в нерабочем апреле достигло 28%. РБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/19/05/2020/5ec1a2bb9a79471ed0de41752from=from_main (Дата доступа: 28.07.2020)

¹² Погрузка экспортных грузов выросла на 2,4%. Пресс-релиз ОАО РЖД. URL: http://press.rzd.ru/news/secure/ru?STRUCTURE_ID=654&layer_id=4069&refererVpld=1&refererPageId=704&refererLayerId=4065&id=85633 (Дата доступа: 28.07.2020)

¹³ О косвенной оценке производственной активности в экономике в апреле. Пресс-релиз Центра макроэкономического анализа и прогнозирования. URL: http://www.forecast.ru/_Archive/analytics/PROM/2020/2020-05-06_kk.pdf (Дата доступа: 28.07.2020)

¹⁴ Индекс IHS Markit PMI® Обрабатывающих отраслей России. Пресс-Релиз. URL: <https://www.markiteconomics.com/Public/Home/PressRelease/2165cf14eeac4e38afb542507ed589ce> (Дата доступа: 28.07.2020)

¹⁵ О средней цене на нефть марки Urals. Пресс-релиз Минфин РФ. URL: https://m.minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37045-о_srednei_tsene_na_neft_marki_urals (Дата доступа: 28.07.2020)

- снижение налогов на недвижимость для арендодателей в обмен на более низкие арендные ставки или отсроченные платежи для арендаторов определенных бизнес-категорий;
- зеленый коридор для ввоза определенных категорий товаров на таможене;
- на региональном уровне каждый глава региона Федерации был уполномочен формировать профилактические нормы для распространения коронавируса в соответствии с конкретной ситуацией в каждом регионе.

Правительство также предложило отсроченные платежи по существующим кредитам и займам, однако подтвержденные пороговые значения являются относительно высокими в том смысле, что право его использовать имеет менее 50% заемщиков.

Каждый федеральный округ России имеет свой региональный список предприятий, которые играют важную, системную роль для экономики регионов, и не будут полностью закрыты. Приоритетом является обеспечение их устойчивости, сохранение занятости и поиск целевых решений.

Предприятия просят государство предоставлять дешевые кредиты и налоговые каникулы. Туроператоры, отельеры, авиакомпании, рестораторы и представители других отраслей, оборот которых резко упал из-за того, что люди сидят дома, просят помощи. Власти объявили определенные меры поддержки, но сообщество малого и среднего бизнеса считает, что их недостаточно¹⁶.

Федеральные пособия по безработице выплачиваются по верхнему уровню ставки – например, в течение первых трех месяцев (с апреля по июнь) сумма составила 12 130 рублей. Если в семье есть несовершеннолетний, у которого родитель потерял работу, выплачивается дополнительная ежемесячная плата в размере 3000 рублей за ребенка¹⁷. В Москве тем, кто потерял работу из-за коронавируса, меры по безработице позволили получить компенсацию в размере 19 500 рублей в период с 9 апреля по 30 сентября (где 12 130 рублей идут из федерального пособия и 7370 рублей из бюджета г. Москвы). Срок подачи заявки в режиме он-лайн упрощен и занимает не более 3–5 дней. В первый же день за пособием обратились более 10 тыс. человек¹⁸.

В середине марта власти объявили, что на ликвидацию последствий коронавируса будет выделено 300 млрд рублей. На встрече с Президентом Путиным 1 апреля премьер-министр Михаил Мишустин объявил, что для этой цели было зарезервировано 1,4 трлн рублей. На том же заседании глава Счетной палаты Алексей Кудрин заявил, что, скорее всего, необходимо будет потратить 5% ВВП или выше, то есть от 2,5 трлн рублей на поддержку экономики. Представляется, что оценка Кудрина находится в нижней части ожидаемой потребности.

Политическая система и демократия перед вызовом COVID-19

Пандемия COVID-19 разворачивается в то время, когда политическая система, свойственная последней четверти XX – первым десятилетиям XXI века, узловым компонентом которой выступает демократия, находится в упадке. Согласно данным, собранным Freedom House, демократия находится в рецессии более 10-ти лет, и все больше граждан в разных странах, включая и признанных лидеров демократии, каждый год теряют, а не получают гражданские и политические права [13, с. 4]. Наиболее ярко это можно увидеть на диаграмме, показывающей количество стран в каждом году, начиная с 2006, где, по данным исследований Freedom House, демократия и права человека сохраняли (синяя часть) и теряли (красная часть) свои позиции (рис. 3).

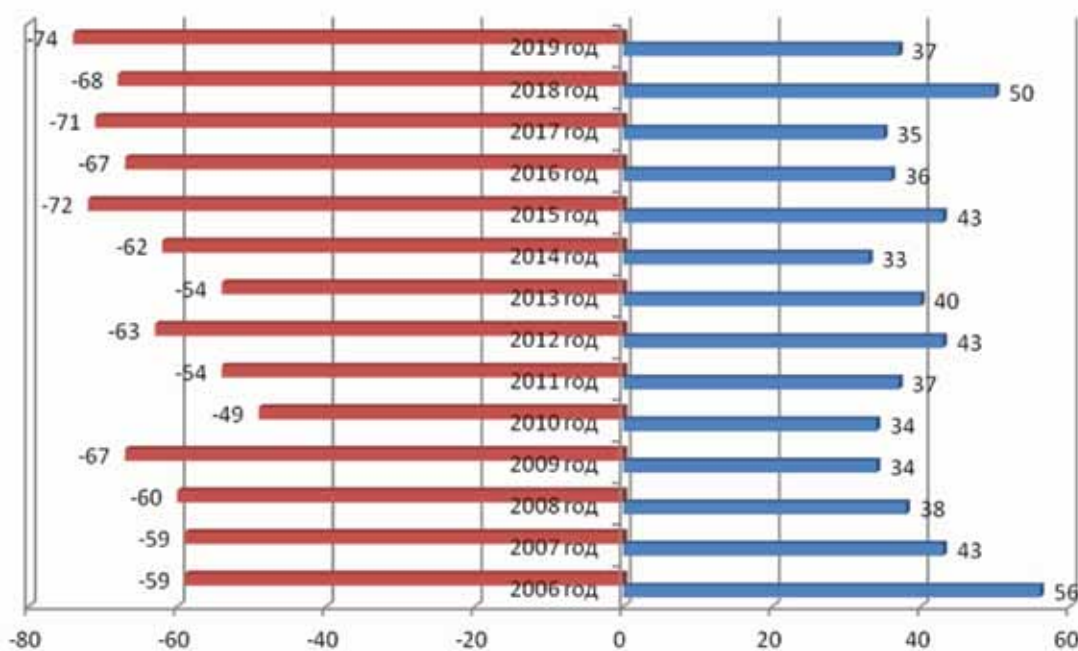
Ключевой проблемой является то, что COVID-19 может превратить демократическую рецессию в депрессию, что грозит поворотом политических систем к авторитаризму, причем скорость распространения этого по всему миру может быть сравнима с современной пандемией. Как отмечает С. Шемман (New York Times), «Китай и некоторые из его союзников указывают на успех Пекина в борьбе с пандемией коронавируса в качестве веского основания для авторитаризации правления»¹⁹. Даже ВОЗ назвала систему насильственных запретов, введенных в КНР, «возможно, самым амбициозным, своевременным и результативным политическим средством сдерживания болезней в истории». Возникает вопрос: является ли Китай исключением, или автократические режимы в целом смогли принять более жесткие политические меры, чтобы сдержать распространение вируса? И если так, были ли они более эффективными?

¹⁶ См.: Бизнес о новых мерах поддержки В. Путина <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/397353-katastroficheskaya-otorvannost-ot-zemli-biznes-o-novyh-merah-podderzhki> (Дата доступа: 28.07.2020)

¹⁷ См.: Меры социальной поддержки для безработных в период пандемии <https://mintrudri.ru/sotsialnaya-podderzhka/152-mery-sotsialnoj-podderzhki-dlya-bezrabotnykh-v-period-pandemii> (Дата доступа: 28.07.2020)

¹⁸ См.: Более 10 тысяч москвичей в первый день обратились за пособием по безработице <https://www.mos.ru/news/item/71859073/> (Дата доступа: 28.07.2020)

¹⁹ Schmemmann S. 2020. The Virus Comes for Democracy Strongmen think they know the cure for Covid-19. Are they right? // New York Times, April 2.

Составлено автором по материалам: Repucci S. 2020. *A Leaderless Struggle for Democracy // Freedom in the world 2020. Washington, DC. 33 p.*

Рис. 3. Тенденции развития демократии и прав человека по годам

Compiled by the author based: Repucci S. 2020. *A Leaderless Struggle for Democracy // Freedom in the world 2020. Washington, DC. 33 p.*

Fig. 3. Trends in Democracy and Human Rights Development by Year

Чтобы исследовать поставленные выше вопросы, целесообразно рассмотреть институциональные и культурные основы ответных мер правительств на пандемию COVID-19. Используем для этого систему, предложенную авторским коллективом, руководимым К. Фрей, в мае 2020 года²⁰. Их методология предполагает измерение строгости политики ограничительных мер национальных правительств, введенных для борьбы с пандемией в разных странах, для чего использовался Оксфордский трекер отслеживания реакции правительств на коронавирус (OxCGRT), предоставляющий информацию о ключевых политических мерах сдерживания эпидемии, включая закрытие школ и рабочих мест, ограничения на поездки, запреты на публичные собрания и требования по самоизоляции. Для оценки эффективности этих мер сдерживания распространения вируса ими было предложено использовать отчеты по COVID-19 от Google.

Полученные результаты показывают, что более эффективной выступила мера принудительного

ограничения трансграничной мобильности, которая позволила исключить или снизить доставку вируса в непораженные или незначительно пораженные регионы, и в большей степени воспрепятствовать формированию так называемых трансграничных, или, более того, континентального масштаба, очагов вируса. Такие меры, как самоизоляция, перевод национальной образовательной системы в он-лайн режим и прочие, имели непосредственное отношение к сдерживанию эпидемии на национальном уровне. Генеральными политическими мерами по сдерживанию распространения COVID-19 объективно стали именно ограничительные, прежде всего, в отношении либеральных прав и свобод гражданина, где на передний план вышло ограничение свободы передвижений, собраний и т.п., составляющих основу демократии как таковой в современном её понимании [14].

Рассматривая политические реакции ключевых акторов мировой политической арены на COVID-19

²⁰ Frey C. B., G. Presidente, C. Chen 2020. *Democracy, Culture, and Contagion: Political Regimes and Countries Responsiveness to Covid-19*. URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/Democracy-Culture-and-Contagion_May13.pdf (Дата доступа: 19.05.2020)

как вызов, следует начать с анализа поведения политических систем ключевых игроков региона – источника пандемии, Юго-Восточной Азии. Это Китай (КНР), Южная Корея и Тайвань. Характеризуя реакцию китайской политической системы на вызов COVID-19, следует констатировать, что КНР, по справедливому утверждению Ф. Фукуямы, это не только авторитарный режим, но и страна с сильной государственностью [15]. Как подчеркивает Т. Тальхельм, Китай, страны и регионы, входящие в его ойкумену, и указанные Южная Корея и Тайвань относятся к обществам с высоким уровнем коллективистской культуры, несмотря на то, что в последних названных авторитарный режим отсутствует [16]. Как показывает прикладной анализ автора, успех политической борьбы с COVID-19 следует увязывать с большим количеством имманентных факторов, применительно к которым соблюдение ограничений трансграничной мобильности и внутренних социальных ограничений, как основных способов предотвращения распространения COVID-19, является результатом, а не исходным положением.

Коллективистские общества выступили более успешными в борьбе со вспышкой вируса. Результаты обобщений автором передовых исследований говорят о том, что коллективистская культура, обеспечивающая конформность, групповую лояльность и послушание старшему в иерархии, облегчает коллективные действия [17]. Таким образом, в странах Восточной Азии, которые в высшей степени коллективистски настроены, по шкале Хофстеда, привычка носить маску для защиты сограждан и оставаться дома по указанию руководства заметно контрастирует с отношением граждан Запада [18].

Запад – это достаточно широкое понятие, объединяющие весьма различные страны, народы и социально-политические общности. Двумя крупнейшими представителями так называемой «западной цивилизации» являются сегодня Евросоюз и США. Наиболее глубокой социокультурной парадигмой этих обществ и объединений является приверженность специфическим ценностным комплексам, как основа их общественно-политического единства. Для США таким комплексом является представление об «американском образе жизни», для Евросоюза – либеральные гражданско-правовые и политические ценности, выступающие основой так называемой политики европейской идентичности [19].

Последняя, на примере подключения широких масс к борьбе с распространением COVID-19 путем соблюдения социальных ограничений, окончилась полным провалом. Граждане либо не соблюдали режим ограничений (самоограничений)

вообще, либо регулярно его грубо нарушали. Можно констатировать социально-политический разрыв между руководством Евросоюза, его национальными правительствами и широкими массами населения, идентичность которых оставляет желать лучшего. Весьма положительным оказался опыт Великобритании, где профсоюзы собственными силами обеспечивали соблюдение своими членами ограничительных мер. Срыв политики идентичности произошел в рамках Евросоюза и на более высоком, межнациональном уровне. Тот факт, что каждая страна делает своё собственное здравоохранение приоритетной задачей, устраняет политическую и экономическую целостность и солидарность, которые являются наиболее важным двигателем ЕС. Обобщая, отметим, что Европейский Союз, который был сформирован политикой всеуровневой идентичности, начинает разрушаться изнутри, обращаясь к новому изоляционизму [20].

Для США вспышка COVID-19 – первое серьезное испытание со времен Вьетнамской войны. Реагируя на него, США предпочли закрыть свои границы для союзников по НАТО, как показал случай драматических призывов Италии о помощи. «Новая реальность» американской политики, которую Президент Дональд Трамп провозгласил в своей инаугурационной речи в 2016 году, проявила себя весной 2020 наиболее полно. Уже сегодня внутри США констатируется огромная некомпетентность национальной администрации, пустившей ситуацию на начальном этапе «на самотек», руководствуясь советами «экспертов», характеризовавших такое положение дел как «выработку иммунитета в национальных масштабах». Американские граждане оплатили эти «советы» более чем 100 тыс. летальных исходов к концу мая 2020 года [21].

На Ближнем Востоке наиболее показательным выступает пример Ирана, действительно религиозно-авторитарного государства. Реакция иранского религиозно-политического руководства на вспышку эпидемии COVID-19 в целом была предсказуемой. Будучи уверенным в своей наибольшей близости к Всевышнему, который оградит свой народ от этой напасти, руководство страны обратилось к тактике замалчивания и не стало вводить ограничения, связанные с отменой коллективных молений в мечетях и, что более важно, празднования праздника Новруз, что является важнейшим фактором обеспечения национально-религиозной идентичности в Иране. К сдерживанию информации о распространении COVID-19, которую в официозе называли слухами, был привлечен и КСИР, осуществивший аресты «распространителей слухов» и введший ограничения для всех газет, которые писали

о развитии эпидемии²¹. Всё это привело к катастрофе – к концу апреля количество инфицированных коронавирусом в Иране, по оценкам оперативного штаба (Хамид Соури), достигло около 500 тыс. человек²².

Обратимся к реакции России на вызовы, связанные с COVID-19. Российские власти, начиная с Президента России Владимира Путина, оказались готовы к кризисной ситуации и, проявив необходимую инициативность и прозрачность, надлежащим образом информировали массы о происходящем и принимали соответствующие меры. Большую роль здесь сыграли ключевые характеристики современного российского общества, где вместе и наравне сосуществуют общая уверенность в способности властей держать ситуацию под контролем и нормальной работе государственных институтов, а также доверие рыночным институтам, способным обеспечить удовлетворение потребностей россиян²³.

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию необходимо обратить внимание, что в современной ситуации реакции мирового сообщества в глобальном и национальном масштабе на вызовы и тренды, порожденные пандемией COVID-19, с известной степенью затруднения можно квалифицировать как отдельные экономические, социальные или политические – учитывая взаимосвязь и взаимозависимость сфер и процессов современного мира. В таких условиях следует констатировать, что социальные вопросы решались и решаются в большинстве стран экономическими методами, экономика регулируется политическими решениями, а политики вынуждены существенно внимательнее относиться к возможностям национальной экономики и финансов.

Практически сразу в качестве ответа вызову пандемии коронавируса на передний план вышли ограничительные процедуры и диалектически взаимосвязанные с ними вопросы социальной поддержки граждан, которые политической волей руководства стран оказались вне своей привычной повседневной социально-экономической активности. Безусловно, что развитые страны в этом вопросе оказались в более выигрышном положении, чем развивающиеся. Ими были введены масштаб-

ные программы оптимизации и модификации национального здравоохранения и государственных расходов, чтобы противостоять социально-экономическим последствиям пандемии COVID-19. Для более бедных стран варианты фискальных и денежных ответных мер ограничены, и они в большей степени оказались заняты определением той роли, которую международные организации могут сыграть в помощи им. В то же время, пандемия коронавируса для развивающихся стран может стать тем самым необходимым катализатором интенсификации экономического развития, вынудившим активизировать планирование, организацию и внедрение подходов к управлению непрерывностью бизнеса во всем диапазоне возможных сценариев, которые могут возникнуть в результате кризиса COVID-19.

Оценивая макроэкономическую политику и политику развития, необходимо отметить, что в ответ на эскалацию чрезвычайной ситуации в области здравоохранения и быстро ухудшающиеся экономические перспективы, национальные власти и международные организации во всем мире разрабатывают беспрецедентные политические меры адекватной реакции на вызов. Центральные банки в развитых и развивающихся странах предприняли активные действия, чтобы помочь предотвратить кризис, снизив процентные ставки, осуществив вливание ликвидности и предоставление экстренного финансирования для фирм и домашних хозяйств. Прямые меры поддержки, в виде сохранения заработной платы или дохода, могут сыграть и играют важную роль в нивелировании негативных социально-экономических последствий в краткосрочной перспективе при сохранении способности к быстрому восстановлению. К таким мерам во всем мире отнесли отсрочки по налогам, краткосрочные схемы работы, субсидируемые государством, мораторий на выплаты по ипотеке и прямые денежные выплаты. В перспективе, очевидно, национальные правительства должны будут решить основные проблемы спроса и предложения, чтобы предотвратить дефицит и скачки цен в краткосрочной перспективе. Крайне важно обеспечить производство и распределение продуктов питания и лекарств, что, в свою очередь, требует поддержания в рабочем состоянии транспорта и основных коммунальных услуг (воды, энергии и связи).

²¹ Iran bans printing of all newspapers, citing spread of coronavirus. SPJ March 31, 2020. URL: <https://cpj.org/2020/03/iran-bans-printing-of-all-newspapers-citing-spread/> (Дата доступа: 19.05.2020)

²² Что происходит в Иране, где число заразившихся коронавирусом рискует превысить 500 тысяч человек. Лента.ру. URL: https://lenta.ru/articles/2020/04/13/in_iran/ (Дата доступа: 19.05.2020)

²³ Проверка на прочность для власти: что россияне думают о пандемии коронавируса. Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/19/proverka-na-prochnost-dlya-vlasti-chto-rossiyane-dumayut-o-pandemii-koronavirusa/> (Дата доступа: 19.05.2020)

К этому вопросу примыкает проблема восстановления сферы инвестиций. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) стали важным фактором в привлечении капитала, а также рабочих мест, технологий и передовых управленческих практик во многие развивающиеся страны. Некоторые развивающиеся страны увидели значительные выгоды от таких инвестиций с точки зрения экономического развития и повышения уровня жизни. ПИИ могут также сыграть значительную роль в финансировании достижения целей восстановления базовой инфраструктуры, продовольственной безопасности, смягчения последствий изменения климата и адаптации, здравоохранения и образования в пост-ковидную эру. Следует при этом, отметить, что приведенные выкладки автора объективно подтверждаются актуальными современными исследованиями [22, 23, 24, 25].

В рамках политической трактовки реакции современного глобализованного мирового сообщества на вызов COVID-19 следует отметить, что наиболее адекватные и эффективные действия на вызовы коронавируса на сегодняшний день представили миру коллективистские общества, существующие в условиях авторитарного политического режима или тяготеющие к нему. Вместе с успешностью коллективных действий им исторически присущ более медленный экономический рост, меньший динамизм в решении встающих социальных проблем и меньшая инновационность, чего настоятельно требуют такие вызовы, как COVID-19. Борьба с COVID-19 потребует координации распространения вируса, а также инноваций, чтобы найти лечение и вакцины. Здесь авторитаризм будет, скорее, тормозящим агентом из-за склонности авторитарных властей к волюнтаристским решениям. Пандемии являются глобальными по определению, и, следовательно, необходим глобальный ответ, который потребует совмещения инновационного научного и производственно-экономического потенциала одних стран с координационными и производственными возможностями других, а не простого разворота в сторону авторитаризма.

Список литературы

1. *Leiva Leon D., Perez-Quiros G., Rots E.* Real-Time Weakness of the Global Economy: A First Assessment of the Coronavirus Crisis // SSRN Electronic Journal. January 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3617695. DOI: 10.13140/RG.2.2.27561.13920. URL: <https://ssrn.com/abstract=3560291>
2. *Toynbee A.J.* A Study of History. Vol. 1: Abridgement of Volumes I-VI by D.C. Somervell (Ed.). New Ed Edition. Oxford U.P.: 1987. 640 p.
3. *Polanyi K.* The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. 2nd Edition. Beacon Press: 2009. 320 p.
4. *Hardin G.* The Tragedy of the Commons // Science. 1968. Vol. 162. Issue 3859. P. 1243–1248. DOI: 10.1126/science.162.3859.1243. URL: <https://science.sciencemag.org/content/sci/162/3859/1243.full.pdf>
5. *Meadows D.H., Meadows D.L.* Limits to growth. The 30-year update. 3rd Edition. New York, Chelsea Green Pub.: 2004. 342 p.
6. *Kituyi M., Fu H.* COVID-19 is changing the world / Sw.: Geneva, 2020. 90 p.
7. *Borowy I.* Defining Sustainable Development for Our Common Future: A History of the World Commission on Environment and Development (Brundtland Commission). 2nd Edition. Routledge, Taylor&Francis: 2016. 256 p.
8. *Peterson K.O.* COVID-19 Pandemic and Economic Crisis: The World Experience and Structural Causes // SSRN Electronic Journal. April 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3567419. URL: <https://ssrn.com/abstract=3567419>
9. *Buheji M., Cunha K., Mavrić B.* The Extent of COVID-19 Pandemic Socio-Economic Impact on Global Poverty. A Global Integrative Multidisciplinary Review // American Journal of Economics. 2020. Vol. 10(4). P. 213–224. DOI: 10.5923/j.economics.20201004.02
10. *Deshwal V.K.* COVID-19: A Comparative Study of Asian, European, American continent // International Journal of Scientific Research and Engineering Development. 2020. Vol. 3. Issue 2. P. 436–440. URL: https://www.researchgate.net/publication/340413293_COVID_19_A_Comparative_Study_of_Asian_European_American_continent
11. *Jackson J.K., Weiss M.A., Schwarzenberg A.B., Nelson R.M.* Global Economic Effects of COVID-19. Washington, CRS: 2020. 116 p. URL: <https://www.coursehero.com/file/61651552/Global-Economic-Effects-of-COVID-19pdf/>
12. *Опережающие индикаторы системных финансовых и макроэкономических рисков.* М.: ЦМАКП. 2020. 33 с. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/SOI/SOI_march_2020.pdf
13. *Repucci S.* A Leaderless Struggle for Democracy. In: Freedom in the world. Washington, DC: 2020. P. 4. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2020/leaderless-struggle-democracy>
14. *Youngs R., Panchulidze E.* Global Democracy and COVID-19: Upgrading International Support. BLG, Brussels: 2020. 42 p. URL: <https://carnegieeurope.eu/2020/07/14/global-democracy-and-covid-19-upgrading-international-support-pub-82297>
15. *Boix C.* Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. By F. Fukuyama. New York: Farrar, Straus and Giroux: 2014. 672 p. DOI: 10.1017/S1537592717000500
16. *Talhelm T., Zhang X., S. Oishi, C. Shimin, D. Duan, Lan X., Kitayama S.* Large-scale psychological differences within China explained by rice versus

- wheat agriculture // *Science*. 2014, Vol. 344. Issue 6184. P. 603–608. DOI: 10.1126/science.1246850
17. *Gorodnichenko Y., Roland G.* Culture, institutions, and the wealth of nations // *The Review of Economics and Statistics*. 2017. Vol. 99(3). P. 402–416. https://doi.org/10.1162/REST_a_00599
  18. *Hofstede G.H.* Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Sage Publications, Thousand Oaks, California: 2001. 596 p. [https://doi.org/10.1016/S0005-7967\(02\)00184-5](https://doi.org/10.1016/S0005-7967(02)00184-5)
  19. *Hesmyr A.K.* Civilization Its Economic Basis, Historical Lessons and Future Prospects. Telemark: Nisus Publications: 2020. 215 p.
  20. *Gardini G.L.* (ed.) The world before and after Covid-19. Intellectual reflections on politics, diplomacy and international relations. Sw. Stockholm: 2020. 153 p.
  21. *Doherty C., Kiley J. Asheer N.* Trump Was Too Slow in Initial Response to Coronavirus Threat. NY, Pew RC: 2020. 37 p.
  22. *Sulkowski L.* Covid-19 Pandemic; Recession, Virtual Revolution, Leading to De-globalization? // *Journal of Intellectual Management*. 2020. Vol. 12(1). P. 1–11. <https://doi.org/10.2478/joim-2020-0029>
  23. *Chakraborty I., Maity P.* COVID-19 outbreak: Migration, effects on society, global environment and prevention // *Science and The Environment*. 2020. Vol. 3(728). P. 138–145. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.138882>
  24. *Loayza N.V., Pennings S.M.* Macroeconomic Policy in the Time of COVID-19: A Primer for Developing Countries. In: World Bank Research and Policy Briefs № 147291. March 26, 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3586636>
  25. *Zhan J.X.* Investment Policy Responses to the Covid-19 Pandemic. Investment Policy Monitor: Special Issue № 4. Geneva, UNCTAD: 2020. 116 p. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diaepcbinf2020d3_en.pdf

Поступила в редакцию: 21.08.2020; одобрена: 15.09.2020; опубликована онлайн: 30.09.2020

Об авторе:

Курюкин Андрей Николаевич, старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5), Москва, Российская Федерация, кандидат политических наук, ORCID: orcid.org/0000-0002-9572-3070, kuriukin@inbox.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. *Leiva Leon D., Perez-Quiros G., Rots E.* Real-Time Weakness of the Global Economy: A First Assessment of the Coronavirus Crisis. *SSRN Electronic Journal*. January 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3617695. DOI: 10.13140/RG.2.2.27561.13920. URL: <https://ssrn.com/abstract=3560291> (In Eng.)
2. *Toynbee A.J.* A Study of History. Vol. 1: Abridgement of Volumes I-VI by D.C. Somervell (Ed.). New Ed Edition. Oxford U.P.: 1987. 640 p. (In Eng.)
3. *Polanyi K.* The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. 2nd Edition. Beacon Press: 2009. 320 p. (In Eng.)
4. *Hardin G.* The Tragedy of the Commons. *Science*. 1968; 162(3859):1243–1248. DOI: 10.1126/science.162.3859.1243. URL: <https://science.sciencemag.org/content/sci/162/3859/1243.full.pdf> (In Eng.)
5. *Meadows D.H., Meadows D.L.* Limits to growth. The 30-year update. 3rd Edition. New York, Chelsea Green Pub.: 2004. 342 p. (In Eng.)
6. *Kituyi M., Fu H.* COVID-19 is changing the world / Sw.: Geneva, 2020. 90 p. (In Eng.)
7. *Borowy I.* Defining Sustainable Development for Our Common Future: A History of the World Commission on Environment and Development (Brundtland Commission). 2nd Edition. Routledge, Taylor&Francis: 2016. 256 p. (In Eng.)
8. *Peterson K.O.* COVID-19 Pandemic and Economic Crisis: The World Experience and Structural Causes. *SSRN Electronic Journal*. April 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3567419. URL: <https://ssrn.com/abstract=3567419> (In Eng.)
9. *Buheji M., Cunha K., Mavrić B.* The Extent of COVID-19 Pandemic Socio-Economic Impact on Global Poverty. A Global Integrative Multidisciplinary Review. *American Journal of Economics*. 2020; 10(4):213–224. DOI: 10.5923/j.economics.20201004.02 (In Eng.)
10. *Deshwal V.K.* COVID-19: A Comparative Study of Asian, European, American continent. *International Journal of Scientific Research and Engineering Development*. 2020; 3(2):436–440. URL: https://www.researchgate.net/publication/340413293_COVID_19_A_Comparative_Study_of_Asian_European_American_continent (In Eng.)
11. *Jackson J.K., Weiss M.A., Schwarzenberg A.B., Nelson R.M.* Global Economic Effects of COVID-19.

- Washington, CRS: 2020. 116 p. URL: <https://www.coursehero.com/file/61651552/Global-Economic-Effects-of-COVID-19pdf/> (In Eng.)
12. Leading indicators of systemic financial and macroeconomic risks. Moscow: TsMAKP. 2020. 33 p. (In Russ.)
  13. Repucci S. A Leaderless Struggle for Democracy. In: Freedom in the world. Washington, DC: 2020. P. 4. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2020/leaderless-struggle-democracy> (In Eng.)
  14. Youngs R., Panchulidze E. Global Democracy and COVID-19: Upgrading International Support. BLG, Brussels: 2020. 42 p. URL: <https://carnegieeurope.eu/2020/07/14/global-democracy-and-covid-19-upgrading-international-support-pub-82297> (In Eng.)
  15. Boix C. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. By F. Fukuyama. New York: Farrar, Strauss and Giroux: 2014. 672 p. DOI: 10.1017/S1537592717000500 (In Eng.)
  16. Talhelm T., Zhang X., S. Oishi, C. Shimin, D. Duan, Lan X., Kitayama S. Large-scale psychological differences within China explained by rice versus wheat agriculture. *Science*. 2014; 344(6184):603–608. DOI: 10.1126/science.1246850 (In Eng.)
  17. Gorodnichenko Y., Roland G. Culture, institutions, and the wealth of nations. *The Review of Economics and Statistics*. 2017; 99(3):402–416. DOI: https://doi.org/10.1162/REST_a_00599 (In Eng.)
  18. Hofstede G.H. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Sage Publications, Thousand Oaks, California: 2001. 596 p. DOI: 10.1016/S0005-7967(02)00184-5 (In Eng.)
  19. Hesmyr A.K. Civilization Its Economic Basis, Historical Lessons and Future Prospects. Telemark: Nisus Publications: 2020. 215 p. (In Eng.)
  20. Gardini G.L. (ed.) The world before and after Covid-19. Intellectual reflections on politics, diplomacy and international relations. Sw. Stockholm: 2020. 153 p. (In Eng.)
  21. Doherty C., Kiley J. Asheer N. Trump Was Too Slow in Initial Response to Coronavirus Threat. NY, Pew RC: 2020. 37 p. (In Eng.)
  22. Sulkowski L. Covid-19 Pandemic; Recession, Virtual Revolution, Leading to De-globalization? *Journal of Intellectual Management*. 2020; 12(1):1–11. DOI: 10.2478/joim-2020-0029 (In Eng.)
  23. Chakraborty I., Maity P. COVID-19 outbreak: Migration, effects on society, global environment and prevention. *Science and The Environment*. 2020; 3(728):138–145. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.138882 (In Eng.)
  24. Loayza N.V., Pennings S.M. Macroeconomic Policy in the Time of COVID-19: A Primer for Developing Countries. In: *World Bank Research and Policy Briefs* № 147291. March 26, 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3586636> (In Eng.)
  25. Zhan J.X. Investment Policy Responses to the Covid-19 Pandemic. *Investment Policy Monitor*. Special Issue № 4. Geneva, UNCTAD: 2020. 116 p. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diaepcbinf2020d3_en.pdf (In Eng.)

Submitted 21.08.2020; revised 15.09.2020; published online 30.09.2020

About the author:

Andrey N. Kuriukin, Senior Researcher of Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhizhanovskogo st., 24/35, korpus 5, 117218, Moscow), Moscow, Russian Federation, Candidate of Political Sciences, ORCID: orcid.org/0000-0002-9572-3070, kuriukin@inbox.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

